

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чуйкова Оксана Юрьевна

**СЕМАНТИКА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ
(ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ, АСПЕКТУАЛЬНОСТИ И
МОДАЛЬНОСТИ)**

Специальность 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург — 2018

Работа выполнена на кафедре общего языкознания Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет».

- Научный руководитель: **Горбова Елена Викторовна**
доктор филологических наук, профессор кафедры
общего языкознания ФГБОУ ВО «Санкт-
Петербургский государственный университет»
- Официальные оппоненты: **Сумбатова Нина Романовна**
доктор филологических наук, профессор Учебно-
научного центра лингвистической типологии
Института лингвистики ФГБОУ ВО «Российский
государственный гуманитарный университет»
- Стойнова Наталья Марковна**
кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник отдела корпусной лингвистики и
лингвистической поэтики ФГБУН «Институт
русского языка имени В. В. Виноградова РАН»
- Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»

Защита состоится 11 апреля 2019 года в 12.00 на заседании Диссертационного совета Д 002.006.03 при ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН «Институт языкознания РАН» по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1, а также на официальном сайте ФГБУН «Институт языкознания РАН»: <http://iling-ran.ru/main/theses/chujkova>.

Автореферат разослан « » _____ 2019 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук

А. В. Сидельцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящая работа посвящена проблематике грамматико-семантического описания будущего времени в русском, английском и испанском языках. Выбор для рассмотрения трех указанных языков не является случайным. Данные языки хорошо задокументированы и имеют длительную традицию грамматического описания. Следует также отметить, что для них созданы объемные лингвистические корпуса, что обеспечивает доступ к обширному материалу — как для работы с собственно языковыми данными, так и для теоретического анализа. Кроме того, русский, английский и испанский представляют собой неблизкородственные языки (относятся к славянской, германской и романской группам индоевропейской языковой семьи) и характеризуются существенными различиями в грамматических системах. Указанные обстоятельства делают факты данных языков интересными как для сопоставительного изучения, так и для рассмотрения в типологической перспективе. Реализация последней позволяет охарактеризовать данное исследование как микротипологическое. Настоящая работа опирается на принципы типологического описания средств выражения будущего времени, заложенные в фундаментальных работах Б. Комри¹, Э. Даля^{2,3}, Дж. Байби и др.^{4,5,6}, С. Флейшман⁷.

В ходе исследования семантические особенности будущего времени в русском, английском и испанском языках рассматриваются как по отдельности, так и в сопоставлении. Тема работы сформулирована достаточно широко —

---

¹ Comrie B. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. x + 139 p.

² Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages // Ö. Dahl (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 309–328.

³ Dahl Ö. Future tense and future time reference // K. Brown (ed.). *Encyclopedia of Language and Linguistics*, 2nd ed. Vol. IV. Oxford: Elsevier, 2006. P. 704–706.

⁴ Bybee J. L., W. Pagliuca. The evolution of future meaning // A. G. Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds.). *Papers from the VIIth International Conference on Historical Linguistics*. Amsterdam: John Benjamins, 1987. P. 109–122.

⁵ Bybee J. L., W. P. Pagliuca, R. D. Perkins. Back to the future // E. C. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins, 1991. Vol. 2. P. 17–58

⁶ Bybee J. L., R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. xxii + 398 p.

⁷ Fleischman S. *The Future in Thought and Language: Diachronic Evidence from Romance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. xii + 218 p.

теоретически в поле зрения исследователя может оказаться сколь угодно обширный круг вопросов, тем или образом связанных с семантикой будущего времени (что во многом обусловлено многообразием характеристик, с которыми в принципе имеет дело грамматико-семантическое описание). Разумеется, в рамках настоящего исследования были решены не все теоретически возможные вопросы. Автор пошел по пути введения некоторых ограничений, более точно определяющих **объект** и **предмет** исследования.

Объектом рассмотрения настоящей работы являются в первую очередь такие глагольные формы и конструкции, которые в рамках описательных грамматик рассматриваемых языков принято называть показателями будущего времени. Следует, однако, сделать оговорку, что в ряде случаев к анализу привлекаются и другие грамматические и неграмматические средства, служащие для выражения футуральной и близкой к ней семантики (в первую очередь, это значения футурально-проспективной семантической зоны). При этом обсуждению подлежат только личные индикативные формы, иные формы (например, формы сослагательного или повелительного наклонения), в семантике которых содержится указание на отнесенность ситуации к плану будущего, в рамках настоящей работы не затрагиваются.

В качестве **предмета** исследования рассматриваются семантические свойства, присущие указанным показателям. Важно при этом отметить, что рассмотрению подлежит не только способность содержащих данные показатели форм к выражению собственно будущего времени, но и другие, нефутуральные, семантические компоненты.

Основная **цель** данного исследования состоит в рассмотрении различных аспектов грамматической семантики будущего времени в русском, английском и испанском языках, поиске сходств и различий в функционировании показателей будущего времени в данных языках и попытке ответа на вопрос, какими факторами обусловлены обнаруженные сходства и различия. В частности, ставится вопрос, насколько происхождение, морфологические свойства и грамматическая система в целом обуславливают семантические

особенности и границы функционирования той или иной единицы, служащей для референции к будущему.

Для достижения указанной цели в исследовании ставится и решается ряд разноплановых **задач** частного характера, которые можно объединить в подмножества, соответствующие главам настоящей работы. Обозначим наиболее важные, на наш взгляд, задачи данного исследования.

Первое подмножество задач, в целом обеспечивающее рассмотрение будущего времени в типологической перспективе, предполагает:

— обсуждение вопроса о природе будущего времени (в свете существующей дискуссии о том, следует ли относить будущее время к темпоральной или модальной зоне);

— рассмотрение семантических противопоставлений, релевантных для будущего времени в языках мира (и, в частности, вопроса о том, какие различия могут быть выражены грамматическими средствами);

— определение места будущего времени в рамках футурально-перспективной семантической зоны; рассмотрение сходств и критериев разграничения будущего времени и проспектива;

— рассмотрение известных путей грамматикализации будущего времени.

Второе подмножество задач включает анализ существующих средств референции к будущему времени в русском, английском и испанском языках. Данный анализ предполагает:

— рассмотрение средств референции к будущему времени с точки зрения способности к выражению значений намерения и предсказания и определения единиц, претендующих на статус показателей футурума;

— рассмотрение выявленных средств с точки зрения их происхождения и степени грамматикализации как показателей будущего времени.

Далее рассматривается ряд вопросов, связанных с семантическими характеристиками будущего времени, что предполагает:

— анализ темпоральной семантики, включающий обращение к вопросу о том, используются ли определенные ранее (грамматические) средства референции к будущему для выражения ближайшего или отдаленного будущего (значений временной дистанции); отдельное внимание уделяется особенностям темпоральной семантики, выражаемой показателями будущего времени в русском языке;

— анализ выражаемой в будущем времени или связанной с будущим временем аспектуальной семантики, предполагающий, в частности: анализ средств выражения проспективной семантики как семантики аспектуальной семантической зоны, тесно связанной с будущим временем; анализ аспектуальных противопоставлений в контексте будущего (совершенный / несовершенный вид в русском, прогрессив / непрогрессив в английском и испанском); анализ (де)лимитативной семантики в контексте будущего времени;

— анализ дополнительных модальных значений показателей будущего времени (производится в ограниченном объеме на материале русского языка).

В настоящем исследовании функционирование показателей будущего времени рассматривается с точки зрения их места в грамматических системах соответствующих языков в плане их соотношения с категориями вида и времени, а также категориями модальности. Вместе с тем реализуется типологическая перспектива анализа. Таким образом, данное исследование оказывается в русле активно развивающихся современных направлений языкознания: аспектологии (частной, сопоставительной, общей) и грамматической типологии. В работе предлагается разностороннее рассмотрение семантики анализируемых лингвистических единиц с точки зрения различных аспектов, входящих в активно изучаемый в настоящее время семантический домен TAM (или TAME)⁸. Все это обеспечивает **актуальность** настоящей работы.

---

⁸ Аббревиатурой TAM(E) — Tense, Aspect, Mood/Modality (Evidentiality) — обозначают комплекс грамматических категорий глагола, включающий в себя темпоральные, аспектуальные, модальные и эвиденциальные граммемы. Оперирование данным понятием удобно с той точки зрения, что значения перечисленных категорий в языках мира зачастую с трудом отделимы друг от друга.

Научная **новизна** данного исследования состоит в осуществлении комплексного многоаспектного и единообразного подхода к описанию всей совокупности средств, используемых для выражения отнесенности обозначаемой ситуации к плану будущего в русском, английском и испанском языках, что позволило достичь следующих оригинальных результатов. Разработан и последовательно применен метод корпусной оценки относительной способности средств референции к будущему времени выражать значения намерения и предсказания. Анализ показывает, что для всех трех языков сочетание значений футурума и прогрессива (в том числе как части семантики имперфективной граммемы) является нехарактерным, а при формальной реализации такого сочетания в языках могут применяться различные стратегии нейтрализации / модификации одного из двух грамматических значений. В результате разностороннего анализа функционирования футуральных форм в русском языке обнаружено, что в семантике будущего времени СВ и НСВ наблюдаются различия в области аспектуальности, темпоральности и модальности. Таким образом, результаты настоящего исследования позволяют дополнить относительно невысокую (по сравнению с другими темпоральными граммемами) изученность футурума (будущего времени) в целом.

Теоретическая значимость настоящей работы, как представляется, связана с комплексным типологически ориентированным подходом к описанию граммем будущего времени в языках с различным устройством видо-временных систем, который позволяет не только вписать данные единицы в существующие теоретические представления о семантике и особенностях функционирования будущего времени в языках мира, но и, определенным образом, их (эти представления) дополнить.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в рамках курсов по теоретической грамматике отдельных языков (русского, английского, испанского), то есть в рамках частных лингвистик, а также в общелингвистических курсах по введению в языкознание,

аспектологии, теоретической морфологии (грамматической семантике). Кроме того, сопоставительный характер работы позволяет использовать ее результаты при преподавании русского, английского и испанского языков как иностранных.

Апробация работы. Различные фрагменты настоящего исследования обсуждались в рамках ряда научных форумов, в том числе международных конференций: Международная конференция к 100-летию Ю. С. Маслова «Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 20-22 ноября 2014 г.), XLIV Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 10-15 марта 2015 г.); XLV Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 14-21 марта 2016 г.); Рабочее совещание по типологии футурально-перспективной семантической зоны (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 8-10 декабря 2016 г.); XLVI Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 13-22 марта 2017 г.); III Международная конференция «Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века» (Ягеллонский университет, Краков, 17-19 мая 2017 г.); XLVII Международная филологическая научная конференция (СПбГУ, Санкт-Петербург, 19-28 марта 2018 г.); VI Международная аспектологическая конференция Комиссии по аспектологии при Международном комитете славистов «Соотношение времени и вида в типологической и контрастивной перспективе» (Лилльский университет, Лилль, 10–12 апреля 2018 г.).

В качестве источника языкового **материала** для исследования, если не указано иное, использовались данные двух корпусов текстов. При рассмотрении будущего времени в русском языке использовались данные Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). При анализе функционирования будущего времени в английском и испанском языках, а также при сопоставительном анализе использовались данные параллельного подкорпуса Чешского национального корпуса (<https://kontext.korpus.cz>).

Достоверность выводов обусловлена анализом обширного и разнообразного языкового материала, полученного путем обращения к ресурсам

электронных корпусов русского, английского и испанского языков, с использованием как качественных, так и количественных методов исследования.

В результате исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие положения.**

- 1. Способность к употреблению в контекстах прототипического предсказания — важный критерий для определения средств референции к будущему как грамматических показателей.** На принципиальное значение такого типа употребления имеются указания в посвященной будущему времени научной литературе. В настоящей работе данное положение было верифицировано с опорой на обширный корпусный материал.
- 2. Такие признаки, как лицо субъекта и семантика предиката, чувствительны к выражению значений намерения и предсказания.** Анализ средств выражения будущего времени с точки зрения данных признаков позволяет охарактеризовать их статус как показателей футурума и определить их место на пути грамматикализации, а также обнаружить некоторые нетривиальные особенности рассматриваемых форм и конструкций.
- 3. Для имперфективных форм будущего времени (НСВ в русском языке, прогрессив в английском и испанском языках) нехарактерна референция к срединной стадии ситуации.**
- 4. Совмещение в одной словоформе граммем прогрессива и футурума можно охарактеризовать как «неудачную комбинацию граммем».** При этом в языках могут применяться различные стратегии разрешения семантического конфликта, предполагающие нейтрализацию / модификацию одного из конфликтующих значений.
- 5. В русском языке семантические различия между формами будущего СВ и НСВ не сводимы полностью к грамматическому значению вида.** Различия между данными формами наблюдаются в сфере темпоральности (будущее СВ приближается к семантической сфере презенса и более

приспособлено выражать референцию к ближайшему будущему), аспектуальности (форма будущего СВ способна к выражению проспективно-авертивной семантики, форма будущего времени НСВ передает более узкий спектр значений, чем аналогичная ей форма прошедшего) и модальности.

Структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, списка использованной литературы и справочных материалов, списка иллюстративного материала и пяти приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновываются актуальность темы диссертационного исследования, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Формулируются цель и задачи работы, определяются предмет, объект, приводятся сведения о материале исследования, описывается структура диссертации.

В **первой главе «Термины и понятия. Теоретические представления о будущем времени»** предпринята попытка освещения основных теоретических взглядов на проблематику будущего времени в языках мира.

Отмечается, что подход к семантике будущего времени можно осуществлять в двух противоположных направлениях: от семантики (выявление множества лингвистических средств, способных к референции к будущему времени, независимо от их статуса в грамматической системе конкретного языка) и от формы (анализ семантического спектра специализированных грамматических средств, используемых для референции к будущему времени). В исследовании применяются оба подхода: сначала анализируются основные средства референции к будущему времени в русском, английском и испанском языках и принимается решение относительно их статуса, далее рассматриваются семантические особенности выявленных грамматических средств и их

функциональное распределение относительно других единиц грамматической системы. В качестве критерия «футуральности» предлагается использовать анализ способности к выражению значения предсказания. При этом следует учитывать возможность существования различных семантических разновидностей будущего времени.

Одной из проблем, связанных с семантикой будущего времени, является разграничение футурума, относящегося к зоне темпоральности, и проспектива, относящегося к аспектуальности.

Рассмотрение известных источников и путей развития показателей будущего времени позволяет судить о том, что граммы футурума берут начало из ограниченного круга выражений и проходят определенные пути в процессе грамматикализации. Определение источника и этапа развития будущего времени может быть полезным при анализе свойств конкретных средств референции к будущему времени в русском, английском и испанском языках.

Во второй главе «Средства референции к будущему времени в русском, английском и испанском языках» рассматриваются языковые средства, более или менее регулярно используемые в русском, английском и испанском языках для референции к будущему времени, и предпринимается попытка выявления среди данных средств единиц, претендующих на статус грамматических показателей футурума. Каждое средство референции к будущему времени анализировалось с точки зрения употребления в контекстах, чувствительных к выражению значений намерения и предсказания. Сильно упрощая реальную картину, можно предположить, что в 1-м лице с большей вероятностью выражается значение намерения, в 3-м — значение предсказания; контролируемыми предикатами чаще выражается значение намерения, неконтролируемыми — значение предсказания. Контекстом прототипического предсказания, по нашему мнению, является референция к неконтролируемой ситуации, первый участник которой является неволитивным. Исходя из этого, признаками, чувствительными к выражению значений намерения и

предсказания, считаются, в частности, значения лица субъекта и семантика предиката.

В каждом из рассматриваемых языков для выражения футуральной семантики доступно несколько различных по происхождению и морфологическим свойствам средств. В **русском языке** это в первую очередь глагольные формы будущего времени совершенного вида (*сделаю*) и несовершенного вида (*буду делать*), реже для референции к будущему времени используются конструкция *стать* + ИНФИНИТИВ (*стану делать*), формы настоящего времени (*Завтра Петя идет в кино*), конструкция *быть*^{БУД} + СУЩ. (*Я буду салат*).

Как показывает анализ, у форм, традиционно называемых формами будущего времени СВ и НСВ, способность к выражению значения предсказания развита в большей степени, чем у других средств референции к будущему времени русского языка. В НКРЯ для данных форм наблюдается преобладание примеров употребления в форме 3-го лица, см. Таблицу 1.

Таблица 1. Распределение личных форм в будущем времени (НКРЯ, основной корпус, снятая омонимия)

Вид	Лицо		
	1 SG	2 SG	3 SG
СВ	7 539 (24,9 %)	4 097 (13,5 %)	18 646 (61,6 %)
НСВ ⁹	860 (32,4 %)	299 (9,2 %)	2 080 (64,2 %)

Кроме того, частотность форм будущего времени для глаголов, реферирующих к неконтролируемым ситуациям, оказывается значительно ниже ожидаемой. Так, например, глаголы *знать* (НСВ) и *понять* (СВ) в формах будущего времени употребляются реже, чем сопоставимые с ними по общей частотности волитивные глаголы *говорить* и *пойти* соответственно, при том, что

⁹ Форма буд. НСВ является аналитической: возможна перестановка элементов и вставка между ними других слов (чаще всего — одного, крайне редко — более трех), что учитывалось при формулировании (данного) поискового запроса. В то же время следует отметить, что наиболее частотным порядком элементов является *быть*^{БУД} + ИНФ^{НСВ}: 1SG — 553, 2SG — 195, 3SG — 1494; 1PL — 427, 2PL — 164, 3PL — 699. Следовательно, в тех случаях, когда необходимо уменьшить количество нерелевантных примеров в выдаче НКРЯ (в частности, по корпусу с неснятой омонимией), можно ограничиться прямым порядком.

данные глаголы сопоставимы по общей частотности, см. Таблицы 2–3 (IPM указывается в соответствии с «Частотным словарем современного русского языка»¹⁰).

Таблица 2. Соотношение форм будущего времени для близких по частотности глаголов НСВ (на примере глаголов *говорить* и *знать*)

Глагол	IPM	Будущее время (НКРЯ, снятая омонимия)	Всего (НКРЯ, снятая омонимия)
<i>говорить</i>	1755.0	116 (0,8 %)	14 150
<i>знать</i>	1713.8	54 (0,4 %)	12 123

Различие статистически значимо, χ^2 , $p < 0,01$.

Таблица 3. Соотношение форм будущего времени для близких по частотности глаголов СВ (на примере глаголов *пойти* и *понять*)

Глагол	IPM	Будущее время (НКРЯ, снятая омонимия)	Всего (НКРЯ, снятая омонимия)
<i>пойти</i>	587.2	951 (21,6 %)	4 387
<i>понять</i>	588.2	338 (9,6%)	3 531

Различие статистически значимо, χ^2 , $p < 0,01$.

Формы будущего времени СВ и НСВ являются также наиболее грамматикализованными и нейтральными, они обладают максимально широким спектром употреблений в контексте будущего времени. При этом отмечено, что будущее НСВ в некоторых случаях может употребляться с подчеркнутым значением намерения. Так, например, при повторении вспомогательного глагола при каждой инфинитивной группе (1) доля примеров с формой 1-го лица оказывается выше, чем в случаях «вынесения за скобки» вспомогательного глагола (2).

(1) *Конечно, — бодро сказал я, — буду пробиваться, буду опровергать.*

[Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]

¹⁰ Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1087 с. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>.

- (2) *Вся нечистая сила слетится, будет шуметь, свистеть, кричать по звериному.* [Борис Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996]

Возможно, это связано с исконно модальной природой вспомогательного глагола *буду*, который тяготеет к выражению значения намерения при изолированном эллиптическом употреблении (*Будешь обедать? — Буду*), а также в составе конструкции *быть*^{БУД} + Сущ. Последняя относится к ингестивным процессам, то есть процессам поглощения пищи, напитков и другим ситуациям «“потребления” агенсом объекта, выступающего в роли пациенса»¹¹ (3).

- (3) *Я буду пиццу и домашнее вино — задумалась Лида над раскрытым меню.*
[Татьяна Тренина. Русалка для интимных встреч (2004)]

По всей видимости, конструкция *быть*^{БУД} + Сущ. в русском языке появилась (или распространилась) сравнительно недавно (практически все употребления данной конструкции в НКРЯ зафиксированы в текстах, созданных не ранее второй половины XX в.) и является принадлежностью устной речи (37 вхождений в устном корпусе (объем всего корпуса — 10 361 479 словоупотреблений) и 56 вхождений в основном корпусе (объем всего корпуса — 229 968 798 словоупотреблений); все без исключения обнаруженные в НКРЯ примеры реализации конструкции *быть*^{БУД} + Сущ. представляют собой контексты прямой речи). Для данной конструкции характерно употребление в форме 1-го лица (заявление о намерении говорящего) и 2-го лица (запрос о намерении собеседника).

Для форм настоящего времени с референцией к будущему основным является значение намерения (об этом может свидетельствовать то обстоятельство, что доля форм 1-го лица настоящего времени с референцией к будущему в НКРЯ оказывается выше ожидаемой) и «запланированного будущего». При этом действует ограничение на семантику предиката

---

¹¹ Шлуинский А. Б. Бивербальные конструкции и их лексические ограничения // С. Г. Татевосов (ред.). Тубаларские этюды. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 30.

(значительное место занимают глаголы движения и изменения состояния) и требование наличия в контексте обстоятельства времени, указывающего на отнесение ситуации к плану будущего. Следует отметить, что в случае выражения семантики намерения действуют менее жесткие ограничения. Например, для высказываний со значением намерения допустимо отсутствие адвербиала. Для высказывания (4) при изъятии обстоятельства возможны презентное и футуральное прочтение, при том что для (5) при изъятии обстоятельства возможно только презентное прочтение.

(4) *(Завтра) еду в Москву на конференцию аллергологов.*

(5) *#(На следующей неделе) **начинается** Берлинский кинофестиваль, главная сенсация которого — показ во внеконкурсной программе телесериала «Бригада».*

Для конструкции *стать*^{БУД} + ИНФИНИТИВ под отрицанием фиксируется высокая доля примеров 1-го лица. Интересно, что количество отрицательных контекстов по отношению к общему числу употреблений конструкции в НКРЯ значительно превышает таковое для форм будущего НСВ, при этом выражение неконтролируемых ситуаций с неагентивным субъектом в данном контексте, по всей видимости, затруднено (6).

(6) а. *Скажем, фотопластинка с изображением далёкой звезды **станет излучать** электромагнитные волны <...>. [В. Н. Комаров. Тайны пространства и времени (1995-2000)]*

б. *??? Скажем, фотопластинка ... **не станет излучать** электромагнитные волны.*

Формы будущего времени СВ и НСВ имеют разное происхождение. Будущее время НСВ представляет собой первичное будущее (развившееся из некоторого лексического источника), будущее СВ — аспектуальное будущее. Можно предположить, что между данными формами существуют различия, не сводимые полностью к аспектуальной оппозиции, а обусловленные несходством их происхождения.

В английском языке для референции к будущему времени используются конструкции с *will*, *shall*, *be going to* + INFINITIVE, прогрессивные и непрогрессивные формы презенса. Из всех перечисленных средств только *will* и *be going to* + INFINITIVE свободно употребляются в контекстах прототипического предсказания. Любопытно отметить, что при употреблении стяженных форм (*'ll*, *'m/'s/'re going to*, а также *gonna*) отмечается преобладание 1-го (и, в меньшей степени, 2-го) лица. Данное обстоятельство может объясняться тем, что использование стяженных форм характерно для устной неформальной речи. Разговорная речь в нормальном случае функционирует в условиях канонической коммуникативной ситуации^{12,13}, которая предполагает наличие в контексте сообщения говорящего и слушающего, единство времени и места. В подобной речевой ситуации в полной мере проявляется субъективность¹⁴, или эгоцентричность¹⁵, языка. В связи с этим в контексте речевой ситуации представляется естественной референция к будущему, в первую очередь затрагивающая фигуры говорящего и слушающего.

Shall в сочетании с 3-м лицом субъекта получает исключительно модальное (деонтическое) прочтение, см. (7).

(7) *This Decision shall enter into force on 8 July 2006, provided that all the notifications under Article 103(1) of the Agreement have been made to the EEA Joint Committee [3].* [_ACQUIS: en:_ACQUIS:jrc22006D0089 (2006)]

В сочетаниях с 1-м лицом наблюдается преобладание контролируемых предикатов и выражение модальных значений намерения или долженствования. Можно отметить высокую частотность употребления с местоимением 1-го лица *I* предикатов *try* и *have to*, собственная лексическая семантика которых согласуется с двумя модальными значениями *shall*, выражаемыми в сочетаниях с 1-м лицом: *try* — намерение, *have to* — долженствование.

¹² Lyons J. *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. P. 637.

¹³ Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 259–261.

¹⁴ Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Прогресс, 1974. С. 295–296.

¹⁵ Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего // *Вопросы языкознания*. 2011. № 3. С. 3.

Употребление форм настоящего времени с референцией к будущему ограничено кругом контекстов, включающим в себя выражение запланированных ситуаций (8) и ситуаций, наступление которых в будущем представляется как неизбежный факт (9).

(8) *I've made a decision. I'm not going with you tomorrow. I'm staying here.*

[_SUBTITLES: Back to the Future Part III (1990)]

(9) — *Mr. Bowles ... — High water tomorrow is at 4:50. Dawn is at 5:30.*

[_SUBTITLES: Hornblower: The Even Chance (1998)]

В число контекстов употребления настоящего времени (как прогрессивного, так и непрогрессивного) с референцией к будущему не входят случаи выражения прототипического предсказания, то есть контексты, где в позиции первого участника представлен неволитивный субъект, а сама ситуация является неконтролируемой. Для прогрессивного презенса наблюдается высокая доля употреблений в формах 1-го лица. Анализ футуральных употреблений прогрессивного презенса показал также, что данное средство референции к будущему времени характеризуется чрезвычайно низкой способностью к сочетаемости с неодушевленными субъектами и практически не используется для выражения неконтролируемых ситуаций. Несколько иную картину можно наблюдать при анализе футуральных употреблений непрогрессивного презенса. В сочетании субъекта 3-го лица с непрогрессивным презенсом с референцией к будущему чаще используются существительные, обозначающие неодушевленные объекты. Особенно это характерно для обозначения ситуаций, осуществляемых по расписанию. Такие ситуации часто происходят с неодушевленными объектами (транспортом, мероприятиями и т. д.) под контролем некоторого волитивного, но зачастую обезличенного деятеля. При употреблении непрогрессивного настоящего с референцией к будущему времени важную роль также играет присутствие идеи предопределенности: ситуация в будущем воспринимается как неизбежный факт, не допускается различных вариантов развития событий. В связи с этим представляется, что при

употреблении формы настоящего непрогрессивного с референцией к будущему сложно говорить о выражении значения предсказания (как утверждения о вероятных событиях в будущем).

По своему происхождению будущее время с *will* и *be going to* + INFINITIVE являются первичными граммемами будущего времени, что означает следующее: оба показателя происходят из некоторого лексического источника. При этом можно ожидать, что как их происхождение из конструкций с различной семантикой (*will* — от конструкции с глаголом желания, *be going to* — от конструкции со значение движения к цели), так и их актуальное местонахождение на различных этапах грамматикализации в определенной мере обуславливает различия в свойствах и функционировании указанных средств референции к будущему времени.

Для референции к будущему времени в **испанском языке** используются формы простого будущего (восходящие к лат. конструкции с глаголом *habere*), конструкция *ir a* + INFINITIVO (где *ir* — глагол движения с семантикой ‘идти, уходить’, а конструкция в целом изначально выражала значение движения к цели), формы непрогрессивного презенса. Как показывает анализ корпусного материала, из перечисленных средств на статус грамматических показателей будущего времени в испанском языке могут претендовать формы простого будущего и конструкция *ir a* + INFINITIVO. Употребление презентных форм при референции к будущему времени ограничено обозначением запланированных действий или ситуаций, наступление которых предусмотрено расписанием. Ни один из данных контекстов не может определяться как контекст предсказания.

И форму простого будущего испанского глагола, и конструкцию *ir a* + INFINITIVO следует считать первичными граммемами будущего времени. Простое будущее время при этом демонстрирует признаки, характерные для более поздней стадии грамматикализации. Такой вывод можно сделать на основании анализа частотности личных форм и сочетаемости с предикатами различной семантики. Для *ir a* + INFINITIVO наблюдается более высокая доля употреблений в 1-м лице по сравнению с простым будущим временем. Кроме того, для

конструкции характерна более низкая частотность сочетаний с модальными и стативными глаголами. Как представляется, полученные результаты могут свидетельствовать о том, что при прочих равных условиях конструкция *ir a* + INFINITIVO чаще выражает значение намерения (что отмечено в грамматических описаниях), а простое будущее тяготеет к выражению значения предсказания с характерным для поздних стадий грамматикализации сдвигом в сторону эпистемической модальности. Аргументом в пользу последнего утверждения может служить, в частности, то обстоятельство, что глаголы модальной семантики *poder* ‘мочь’ и *deber* ‘быть должным’ занимают второе и третье места по частотности среди глагольных лексем в простом будущем, в то время как по общей частотности их позиции оказываются ниже (по частотному словарю: 6-е и 15-е, по данным корпуса — 5-е и 9-е места соответственно).

Третья глава «Семантические особенности будущего времени в русском, английском и испанском языках» посвящена рассмотрению некоторых семантических особенностей и противопоставлений, выражаемых показателями будущего времени и функционально смежными с ними языковыми средствами.

В разделе, посвященном **темпоральной семантике**, затронуты вопросы, связанные со способами выражения имедиатности, то есть ближайшего будущего в русском, английском и испанском языках. Обращение к данной проблематике представляет интерес ввиду наличия типологических данных, свидетельствующих о широкой распространенности в языках мира специализированных грамматических показателей, служащих для выражения рассматриваемой семантики¹⁶. В процессе анализа рассматриваются сочетания маркеров будущего времени с наречиями, локализирующими ситуацию непосредственно после момента речи.

---

¹⁶ Bybee J. L., R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 244–245.

В русском языке семантическое противопоставление «+/- иммедиатность» в определенной степени может обслуживаться существующей видовой оппозицией СВ / НСВ в контексте будущего времени. Анализ корпусных данных (в частности, рассмотрение сочетаний с наречием *сейчас*, которое способно указывать как на совпадение ситуации с моментом речи, так и на следование за ним, и *вот-вот*) дает основания полагать, что форма будущего СВ в гораздо большей степени приспособлена к выражению семантики ближайшего будущего. Обращение к материалу английского и испанского языков и рассмотрение их основных средств референции к будущему (*will* и *be going to* + INFINITIVE в английском языке, простое будущее и конструкция *ir a* + INFINITIVO — в испанском) с точки зрения сочетаемости с адвербиалами (наречными выражениями) приводит к сходным результатам. В обоих языках конструкция, восходящая к сочетанию со значением движения к цели и, соответственно, включающая в свою структуру глагол с семантикой ‘идти, уходить’, демонстрирует относительно более высокую частотность сочетаний с адвербиалами с семантикой непосредственного следования во времени (наречие ‘сейчас’ с референцией к ближайшему будущему: *now* в английском языке, *ahora mismo*) в испанском языке).

Темпоральная, или временная, семантика имеет определяющее значение для будущего времени. Под семантикой форм будущего времени следует понимать в первую очередь их темпоральную семантику, то есть способность реферировать к ситуациям, расположенным в плане будущего, то есть после момента речи. Применительно к формам будущего времени в русском языке представляет интерес вопрос об относительной «футуральности» форм будущего СВ и НСВ. На основании анализа признаков «частичное / полное следование за моментом речи» и «способность к нефутуральным употреблениям» можно сделать вывод о том, что будущее СВ, морфологически совпадающее с настоящим (ср. *делаю / сделаю*), по ряду особенностей его временной семантики приближается к семантической сфере презенса: так, форма будущего СВ способна реферировать к обобщенному настоящему (10), может

имплицитно указывать на существование в точке отсчета одной из (начальных) стадий ситуации, относящейся к будущему (11), и в ряде случаев конкурирует с формой настоящего времени.

- (10) *Тупые дуры. **Распустят** волосы и сидят. Каким надо быть дураком, чтобы в них влюбиться?* [Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)]
(≈ *Распускают* (обычно) волосы и сидят)
- (11) *Сейчас мы **выйдем** из создавшегося положения.* [Ordinamenti (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06] (≈ *Сейчас мы (уже) **выходим** из создавшегося положения*)

Далее рассматриваются вопросы, связанные с **аспектуальной семантикой** (то есть характером протекания и распределения действия во времени, «внутренним временем» ситуации). Для обсуждения основных значений аспектуальной зоны удобно принять точку зрения о пятичастной структуре ситуации¹⁷, которая включает следующие фрагменты: **подготовительная стадия, начало, середина, финал и результирующая стадия**. В рамках настоящего исследования в основном рассматривается проблематика выражения двух значений: соответствующих подготовительной и срединной стадиям ситуации.

В первую очередь была затронута проблематика выражения значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации. Обращение к ним обусловлено сложностями, возникающими при попытке проведения на практике четкой границы между темпоральными значениями футурума и аспектуальными значениями проспектива. Симптоматично, например, что в литературе можно встретить как аспектуальную, так и темпоральную трактовку английской конструкции *be going to* + INFINITIVE и испанской конструкции *ir a* + INFINITIVO.

В русском языке отсутствуют специализированные грамматические средства для выражения значений, соответствующих подготовительной стадии

---

¹⁷ Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. С. 384.

ситуации. Можно, однако, заметить, что в употреблении конструкций с такими компонентами, как *вот-вот*, *никак не* («презенс напрасного ожидания»), *было* (*чуть было не*), наблюдаются определенные закономерности. В указанных конструкциях свободно употребляются предикаты СВ в форме будущего (в контексте *вот-вот*, *никак не*) и прошедшего времени (*было*, *чуть было не*) и узкий круг предикатов НСВ в форме настоящего и прошедшего времени, ограниченный, в основном, глаголами с модальной семантикой (12).

(12) *Я понимаю, какво вам расставаться с лабораторией, где вот-вот может проглянуть связь вашей математики с физикой.* [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)]

Русским сочетаниям с наречием *вот-вот* в английском языке регулярно соответствуют конструкции *be going to / be gonna + INFINITIVE* и *be about to + INFINITIVE*, в испанском — *ir a + INFINITIVO*, *estar a punto de + INFINITIVO*, *estar por + INFINITIVO*. Для всех перечисленных конструкций в литературе прямо или косвенно дается указание на выражение проспективной семантики. Можно отметить частотность соответствия в параллельных текстах на английском и испанском языках конструкций с глаголами движения *be going to / be gonna + INFINITIVE* и *ir a + INFINITIVO*, с одной стороны, и конструкций с бытийным глаголом *be about to + INFINITIVE* и *estar a punto de (estar por) + INFINITIVO* — с другой. Конструкции *be going to / be gonna + INFINITIVE* и *ir a + INFINITIVO* обладают способностью реферировать к будущему, их футуральная семантика при этом может сопровождаться выражением общих для обеих конструкций дополнительных семантических компонентов: намерение, близость во времени, неизбежность, неотвратимость. Испанская конструкция *ir a + INFINITIVO*, реферируя к будущему, берет на себя часть функций, выполняемых в английском языке формой прогрессивного презенса, в случае ее референции к будущему. Испанским конструкциям *estar a punto de + INFINITIVO* и *estar por + INFINITIVO* и английской конструкции *be about to + INFINITIVE* в параллельных текстах редко соответствуют граммы (простого) будущего времени. Данные конструкции

скорее обозначают положение дел в настоящем, чем указывают на близость, неотвратимость будущей ситуации. В этом отношении семантика конструкций с бытийным глаголом более соответствует каноническому пониманию проспектива, чем семантика конструкций с глаголом движения. Можно также отметить в семантике испанской конструкции *estar por* + INFINITIVO помимо собственно проспективного, наличие дополнительного модального компонента, о чем может свидетельствовать наличие в параллельных фрагментах на английском языке модальных слов и выражений (*be to, have to, must, need*), в общем случае не характерных для английских соответствий испанским конструкциям *ir a* + INFINITIVO и *estar a punto de* + INFINITIVO.

Второй комплекс вопросов, связанных с аспектуальной семантикой, предполагает рассмотрение особенностей интерпретации в контексте будущего времени аспектуальных граммем, основной функцией которых принято считать указание на срединную стадию ситуации. Такими граммемами являются НСВ в русском языке и прогрессив в английском и испанском. Анализ показывает, что референция к срединной стадии ситуации нехарактерна для имперфективных форм будущего времени в рассматриваемых языках. Данные формы в плане будущего получают делимитативную, начинательную или хабитуальную трактовку, либо обозначают факт без специфически аспектуальной характеристики. Для русского будущего времени НСВ особенно характерно употребление в общефактическом значении. Последнее предполагает взгляд на ситуацию извне, то есть с типологической точки зрения должно рассматриваться как перфектив, при этом сопоставление СВ и общефактического НСВ в контексте будущего времени показывает, что семантические модификации в будущем характерны для НСВ, но не для СВ.

По всей видимости, взгляд на будущую (не принадлежащую реальному миру) ситуацию извне является наиболее естественным, поэтому можно ожидать, что граммемы, основной функцией которых является референция к срединной стадии ситуации («синхронная точка отсчета», «взгляд изнутри»), в данном контексте будут употребляться редко (если их употребление вообще

возможно) и с определенными семантическими модификациями. Можно предположить, что сочетание в одной глагольной форме признаков «имперфектив / прогрессив» и «будущее время» представляет собой сложную для восприятия и, следовательно, семантически негармоничную («неудачную») комбинацию.

В рассматриваемых языках наблюдается применение различных стратегий, позволяющих избежать сочетания плохо совместимых значений. Одним из путей является модификация аспектуального значения, реализуемая различными способами. Так, для имперфективной граммы в будущем времени характерно выражение значений перфективного спектра. Интересный способ нейтрализации прогрессивной семантики можно видеть в английском языке: прогрессивное будущее, как и прогрессивное настоящее, используется для референции к запланированным ситуациям (в обоих случаях значительна доля примеров с глаголами движения). Другой возможный путь — модификация темпоральной семантики. Существующая в испанском языке возможность обозначения формами будущего гипотетических ситуаций в настоящем, см. пример (13), обеспечивает частотность использования прогрессива будущего времени в указанной функции (для референции к динамическим ситуациям).

(13) **исп.** *Estará acicalándose.*

англ. *Perhaps he's primping.*

русск. *Может, он наряжается?* [_SUBTITLES: Batman: Under the Red Hood (2010)]

В завершение предлагается краткий анализ **модальной** семантики и прагматики форм будущего времени в русском языке, по результатам которого можно сделать вывод, что на интерпретацию форм будущего времени способны влиять определенные параметры контекста. В частности, выражение модальных значений и прагматика высказывания могут зависеть от значения лица субъекта, вида глагола и вопросительности / невопросительности высказывания.

В **Заключении** работы подводятся итоги и формулируются основные выводы из проведенного исследования.

Публикации по теме диссертационного исследования

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Чуйкова, О. Ю. Некоторые особенности выражения значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации, в русском языке [Текст] / О. Ю. Чуйкова // Вестник СПбГУ. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2015. — Вып. 3. — С. 179–189.
2. Чуйкова, О. Ю. «Ингестивные» глаголы в русском языке: некоторые наблюдения [Текст] / О. Ю. Чуйкова // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. — Т. XII. — Вып. 1. — СПб.: Изд-во «Наука», 2016. — С. 251–262.
3. Федотов, М. Л. Русские делимитативные предикаты и семантика перфекта [Текст] / М. Л. Федотов, О. Ю. Чуйкова // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ. — Т. XII. — Вып. 2. СПб.: Изд-во «Наука», 2016. — С. 67–83¹⁸.

Прочие публикации по теме диссертации:

4. Чуйкова, О. Ю. Выражение значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации (проспектива / авертива), в русском языке [Текст] / О. Ю. Чуйкова // Международная конференция «Научное наследие и развитие идей Ю. С. Маслова»: тезисы. — СПб, 2014. — С. 204–206.
5. Чуйкова, О. Ю. К вопросу о статусе будущего времени в парадигме русского глагола [Текст] / О. Ю. Чуйкова // XLIV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 10–15 марта 2015 г.: Тезисы докладов. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — С. 116–117.

---

¹⁸ Работа выполнена в соавторстве. Авторство разделено. Согласие соавтора на использование результатов и материалов публикации в тексте диссертации получено.

6. Чуйкова О. Ю. Модальные значения форм будущего времени в русском, английском и испанском языках [Текст] / О. Ю. Чуйкова // XLV Международная филологическая научная конференция, Санкт-Петербург, 14–21 марта 2016 г.: Тезисы докладов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2016. С. 208–209.
7. Čujkova, Oksana Ju. Zone aspectuelle du future: exemples du russe, de l'anglais et de l'espagnol [Особенности аспектуальной зоны в контексте будущего времени в русском, английском и испанском языках (на материале параллельных текстов)] [Текст] / Oksana Ju. Čujkova // Tatiana Milliaressi (éd.), *La relation temps / aspect: approches typologique et contrastive*. — Lille: UL3, 2018. — P. 145–150.
8. Чуйкова, О. Ю. Будущее время в русском языке: семантика, прагматика и контекст [Текст] / О. Ю. Чуйкова // Д. Шумска, К. Озга (ред.), *Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Синтаксис текста. Текст в синтаксисе. Лингвистический анализ в Бермудском треугольнике: Комбинаторика – Семантика – Прагматика*. — Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, (в печати).